

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

ОЧЕВИДЦА ВИКТОРА ГЮГО ДЕНЬ ПЕРВЫЙ—

ЗАСАДА. Глава I. "Безопасность"

1 декабря 1851 года Шаррас пожал плечами и разрядил свои пистолеты. На самом деле вера в возможность переворота стала унижительной. Предположение о такой незаконной насилии со стороны М. Луи Бонапарта исчезло при серьезном размышлении. Главный вопрос дня явно заключался в выборах Девенка; было ясно, что правительство думало только об этом. Что касается заговора против Республики и народа, как мог кто-то задумать такой заговор? Где был человек, способный на такую мечту? Для трагедии нужен актер, а здесь, безусловно, актер отсутствовал. Нарушить Право, подавить Ассамблею, отменить Конституцию, задушить Республику, свергнуть Нацию, осквернить Флаг, опозорить Армию, подкупить Духовенство и Судейство, чтобы добиться

успеха, триумфа, управлять, администрировать, выслать, изгнать, транспортировать, разрушить, убить, царствовать, с такими соучастниками, что в конце концов закон становится грязной постелью коррумпированности. Что?! Все эти чудовищества должны быть совершены! И кем? Колоссом? Нет, карликом. Люди смеялись над этой идеей. Они больше не говорили "Какое преступление!", а "Какая фарса!". Ведь, в конце концов, они размышляли: тяжкие преступления требуют роста. Некоторые преступления слишком велики для некоторых рук. Человек, который хотел бы осуществить 18 брюмера, должен был бы иметь Арколу в своем прошлом и Аустерлиц в будущем. Искусство стать великим негодяем не дается первому встречному. Люди говорили себе: Кто этот сын Ортанса? У него за спиной Страсбург вместо Арколы, а Булонь вместо Аустерлица. Он француз, рожденный голландцем, а натурализованный швейцарцем; он Бонапарт, скрещенный с Верхьедем; он известен только абсурдностью своей имперской позы, и тот, кто

захочет вырвать перо из его орла, рискует найти в руках перо гусенка. Этот Бонапарт не пройдет в армии, он подделка, больше из свинца, чем из золота, и французские солдаты не дадут нам сдачи за этого ложного Наполеона в восстаниях, в зверствах, в резнях, в преступлениях, в предательстве. Если он попробует обмануть, это потерпит неудачу. Ни один полк не пошевелится. К тому же, зачем ему пытаться что-то? Конечно, у него есть свои подозрительные черты, но почему бы не предположить, что он не абсолютный злодей? Такие крайности ему не по плечу, он физически не способен на них, почему же судить его способным морально? Разве он не поклялся в честности? Разве он не сказал: "Никто в Европе не сомневается в моем слове?" Не будем бояться. На это можно было бы ответить: Преступления совершаются либо в больших, либо в мелких масштабах. В первой категории — Цезарь; во второй — Мандрен. Цезарь переходит Рубикон, Мандрен скачет по канаве. Но мудрецы вставляли: "Не осуждаем ли мы его

предвзято?" Этот человек был изгнан и несчастен. Изгнание просвещает, несчастье исправляет."

Со своей стороны, Луи Бонапарт энергично протестовал. Факты были в его пользу. Почему бы ему не действовать добросовестно? Он дал замечательные обещания. В конце октября 1848 года, будучи кандидатом на пост президента, он навещал некоего персонажа по адресу 37, Rue de la Tour d'Auvergne, и сказал ему: "Я хочу с вами поговорить. Меня оклеветали. Я производил на вас впечатление сумасшедшего? Они думают, что я хочу возродить Наполеона. Есть два человека, на которых может опереться большая амбиция: Наполеон и Вашингтон. Один — человек гения, другой — человек добродетели. Глупо говорить: "Я буду человеком гения"; честно сказать: "Я буду человеком добродетели." Кто из этих двух зависит от нас? Кто из этих двух мы можем достичь своим волей? Быть гением? Нет. Быть честным? Да. Достижение

гениальности невозможно; достижение честности — возможно. А что я могу возродить из Наполеона? Одно только: преступление. Действительно достойная амбиция! Почему я должен быть человеком?

Республика установлена, я не великий человек, я не буду копировать Наполеона, но я честный человек. Я буду подражать Вашингтону. Мое имя, имя Бонапарта, будет записано на двух страницах истории Франции: на первой будет преступление и слава, на второй — честность и честь. И вторая, возможно, будет стоять первой. Почему? Потому что если Наполеон велик, то Вашингтон — лучший человек. Между виновным героем и хорошим гражданином я выбираю хорошего гражданина. Вот моя амбиция."

С 1848 по 1851 год прошло три года. Люди давно подозревали Луи Бонапарта; но длительные подозрения притупляют ум и изнашиваются от бесплодных тревог. Луи Бонапарт имел лицемерных министров, таких как Магне и Роэр, но также и прямых

министров, таких как Леон Фошер и Одилон Барро, и эти последние утверждали, что он честен и искренен. Его видели, как он бил себя в грудь перед дверями Хама; его сводная сестра, мадам Ортанс Корну, писала Мьерославскому: "Я хороший республиканец, и могу за него поручиться." Его друг из Хама, Пожер, верный человек, заявлял: "Луи Бонапарт неспособен на предательство." Разве Луи Бонапарт не написал работу под названием "Бедность"? В тесных кругах Елисейского дворца граф Потоцкий был республиканцем, а граф д'Орсей — либералом; Луи Бонапарт говорил Потоцкому: "Я человек Демократии", а д'Орсею: "Я человек Свободы." Маркиз дю Алле противился перевороту, в то время как маркиза дю Алле поддерживала его. Луи Бонапарт сказал маркизу: "Не бойтесь" (правда, он шепнул маркизе: "Не переживайте"). Ассамблея, которая здесь и там показывала признаки беспокойства, успокоилась. Был генерал Ноймайер, "к которому можно было полагаться", и который, в случае необходимости, мог

бы выступить из Лиона на Париж. Шанжарье воскликнул: "Представители народа, размышляйте в мире." Даже сам Луи Бонапарт произнес эти знаменитые слова: "Я увижу врага моей страны в любом, кто изменит силой то, что установлено законом," и, кроме того, армия была "силой", и армия имела командиров, командиров, которые были любимы и побеждали. Ламорисьер, Шанжарье, Кавиньяк, Лефло, Бедео, Шаррас; как можно было представить, чтобы армия Африки арестовала генералов Африки? В пятницу, 28 ноября 1851 года, Луи Бонапарт сказал Мишелю де Буржу: "Если бы я хотел поступить плохо, я бы не смог. Вчера, в четверг, я пригласил на обед пятерых полковников парижского гарнизона, и мне захотелось поговорить с каждым по очереди. Все пятеро заявили, что армия никогда не примет участие в насилии, ни не посягнет на неприкосновенность Ассамблеи. Можете сказать об этом своим друзьям." — "Он улыбнулся," сказал Мишель де Бурж, успокоенный, "и я тоже улыбнулся."

После этого Мишель де Бурж заявил в Трибуне: "Это тот человек для меня." В том же месяце ноября сатирический журнал, обвиняющий президента Республики в клевете, был приговорен к штрафу и тюремному заключению за карикатуру, на которой Луи Бонапарт использует Конституцию как мишень. Морины, министр внутренних дел, заявил на Совете перед президентом, что "страж общественной власти никогда не должен нарушать закон, иначе он станет..." "Нечестным человеком," вмешался президент.

Всё это и все эти факты были известны. Материальная и моральная невозможность переворота была очевидна для всех. Нарушить Национальную Ассамблею! Арестовать представителей! Какое безумие! Как мы видели, Шаррас, долгое время оставшийся на стороже, разрядил свои пистолеты. Чувство безопасности было полным и единодушным. Тем не менее, некоторые из нас в Ассамблее все еще сохраняли несколько сомнений и иногда качали

головой, но нас считали дураками.

Глава II. ПАРИЖ СПИТ — ЗВОНОК В ДВЕРЬ

2 декабря 1851 года депутат Версиньи из Верхней Соны, который жил в Париже по адресу: 4, улица Леони, спал. Он спал крепким сном; до поздней ночи он занимался работой. Версиньи был молодым человеком 32 лет, с мягкими чертами лица и светлой кожей, с храбрым духом и умом, склонным к социальным и экономическим исследованиям. Он провел первые часы ночи, читая книгу Бастиа, в которой делал пометки на полях, и, оставив книгу открытой на столе, заснул. Внезапно он проснулся от резкого звука звонка. Он вскочил от удивления. Было утро. Около семи часов. Не подозревая, что могло быть причиной такого раннего визита, и думая, что кто-то ошибся дверью, он снова лег и собирался продолжить сон, когда второй звонок, гораздо громче первого, полностью разбудил его. Он встал в ночной

рубашке и открыл дверь. Вошли Мишель де Бурж и Теодор Бак. Мишель де Бурж был соседом Версины; он жил по адресу: 16, улица Милан. Теодор Бак и Мишель были бледны и явно взволнованы.

"Версины," — сказал Мишель, — "переоденься немедленно — Баун только что арестован."

"Бах!" — воскликнул Версины. — "Это опять что-то с делом Могена?"

"Нет, это не то," — ответил Мишель. — "Жена и дочь Бауна пришли ко мне полчаса назад. Они разбудили меня. Баун был арестован в постели в шесть часов утра."

"Что это значит?" — спросил Версины. Зазвонил звонок.

"Теперь, вероятно, нам все расскажут," — ответил

Мишель де Бурж. Версиньи открыл дверь. Это был депутат Пьер Лефран. Он принес, по сути, решение загадки.

"Вы знаете, что происходит?" — спросил он.

"Да," — ответил Мишель. — "Баун в тюрьме."

"Это Республика в тюрьме," — сказал Пьер Лефран. — "Вы читали афиши?"

"Нет." Пьер Лефран объяснил им, что в этот момент стены были покрыты афишами, которые толпы любопытных сновали читать. Он успел взглянуть на одну из них на углу своей улицы, и вот удар пришел.

"Удар!" — воскликнул Мишель. — "Скорее преступление."

Пьер Лефран добавил, что было три афиши — один

указ, и две декларации — все на белой бумаге, наклеены друг к другу. Указ был напечатан крупными буквами. Затем вошел бывший учредитель Лессак, который, как и Мишель де Бурж, жил в соседнем районе (по адресу 4, Сите Гайяр). Он принес те же новости и сообщил о дальнейших арестах, совершенных ночью. Не было минуты для промедления. Нужно было немедленно провести встречу. Те республиканцы-депутаты, кто еще оставался на свободе, должны были быть предупреждены и собрались без задержки.

"Я пойду и найду Виктора Гюго," — сказал Версиньи. Было восемь часов утра. Я проснулся и работал в постели. Мой слуга вошел и сказал с тревожным выражением на лице:

"У вас есть депутат, который хочет с вами поговорить, господин."

"Кто это?"

"Месье Версиньи."

"Пусть войдет." Версиньи вошел и рассказал мне о происходящем. Я вскочил с кровати. Он рассказал о "встрече" в комнатах бывшего учредителя Лессака.

"Идите немедленно и сообщите остальным депутатам," — сказал я. Он ушел.

Глава III. Что произошло за ночь

До трагических событий июня 1848 года эспланада Инвалидов была разделена на восемь огромных газонов, окруженных деревянными оградами и расположенных между двумя аллеями деревьев, разделенными улицей, проходящей перпендикулярно фасаду Инвалидов. Эта улица пересекалась с тремя улицами, идущими параллельно Сене. Здесь были

большие газоны, на которых дети часто играли. В центре восьми газонов находился постамент, который в период Империи поддерживал бронзового льва Святого Марка, привезенного из Венеции; при Реставрации – беломраморную статую Людовика XVIII; а при Людовике Филиппе – гипсовый бюст Лафайетта.

После того как в 1848 году, 22 июня, толпа мятежников едва не захватила дворец Учредительного собрания, а в окрестностях не было казарм, генерал Кавайняк построил в 300 шагах от Дворца законодательного собрания несколько длинных хижин, скрытых под травой, на газонах Инвалидов. Эти хижины, в которых могло разместиться три-четыре тысячи человек, служили для размещения войск, специально назначенных для охраны Национального собрания.

1 декабря 1851 года на эспланаде стояли два полка – 6-й и 42-й полк пехоты, 6-й под командованием полковника Гардера де Буа, который был известен до

2 декабря, и 42-й – под командованием полковника Эспинасса, который стал известен позже. Обычная ночная охрана дворца собрания состояла из батальона пехоты и тридцати артиллеристов с капитаном. Кроме того, министр войны прислал несколько кавалеристов для службы в качестве порядковых. Два миномета и шесть орудий с боеприпасами располагались в небольшом дворе справа от двора почестей, который назывался "Двором пушек". Майор, военный командующий дворцом, подчинялся непосредственно квесторам.

Когда наступала ночь, ворота и двери дворца запирались, ставились дозорные, отдавались указания стражникам, и дворец закрывался, как крепость. Пароль был таким же, как и на площади Парижа. Особые указания, составленные квесторами, запрещали вход любой вооруженной силы, кроме полка, дежурящего в тот момент. В ночь с 1 на 2 декабря дворец был охраняем батальоном 42-го

полка. Заседание 1 декабря, которое прошло очень мирно и было посвящено обсуждению муниципального закона, закончилось поздно, завершившись голосованием по делу трибунала. Когда депутат Базе, один из квесторов, поднялся на трибуну, чтобы отдать свой голос, к нему подошел представитель, принадлежащий к фракции "Элизейских скамеек", и тихо сказал: "Сегодня ночью вас похитят". Такие предупреждения звучали ежедневно, и, как уже было сказано, к ним привыкли. Тем не менее, сразу после заседания квесторы вызвали специального комиссара полиции собрания, при присутствии президента Дюпена.

Когда его допросили, комиссар заявил, что отчеты его агентов свидетельствуют о "мертвой тишине" – такие были его слова, и что, конечно, опасности в эту ночь не было. Когда квесторы настойчиво его расспросили, президент Дюпен, воскликнув "Пфу!" – покинул комнату.

В тот же день, 1 декабря, около трех часов дня, когда тесть генерала Леффло пересекал бульвар перед кафе "Тортон", кто-то быстро прошел мимо него и шепнул ему на ухо важные слова: "Одиннадцать часов – полночь". Этот случай не вызвал особого внимания в квестуре, и многие даже посмеялись над ним. Это стало обычным делом для них.

Тем не менее генерал Леффло не ложился спать, пока не прошел указанный час, и оставался в офисах квестуры до почти одного часа ночи. Штатов отделения Ассамблеи велись на улице четырьмя курьерами, прикрепленными к Монитеру, которые доставляли копии стенографов в типографию и привозили обратно корректуру. Как можно заметить по результату, для всех деликатных операций люди переворота старались использовать мобильную жандармерию и Республиканскую гвардию — то есть два корпуса, почти полностью состоявших из бывших

муниципальных стражей, которые хранили в сердце мстительные воспоминания о событиях февраля.

Капитан Ла Рош д'Уази прибыл с письмом от министра войны, в котором тот отдавал в его распоряжение самого капитана и его солдат управляющему Национальной типографией. Винтовки были заряжены без единого слова. Часовые были расставлены в мастерских, коридорах, у дверей, у окон — повсюду, двое стояли у входа на улицу. Капитан спросил, какие приказы дать часовым. «Ничего сложного», — сказал человек, приехавший в фиакре. — «Кто попытается выйти или открыть окно — стрелять».

Этот человек был де Бевиль, адъютант г-на Бонапарта. Он удалился с управляющим в большой кабинет на первом этаже — уединённую комнату с видом на сад. Там он передал управляющему то, что принёс с собой: указ о роспуске Ассамблеи, обращение к армии, обращение к народу, указ о

созыве выборщиков, а также прокламацию префекта Мопы и его письмо комиссарам полиции. Первые четыре документа были написаны от руки Президентом, местами с пометками.

Наборщики уже ждали. Каждый был поставлен между двумя жандармами и не имел права произнести ни слова. Документы для печати были разрезаны на мелкие куски, чтобы ни один рабочий не мог прочитать целое предложение. Управляющий дал им час на набор. Готовые фрагменты затем передали полковнику Бевиллю, который их собрал и сверил корректуры. Печать происходила с такой же осторожностью: у каждого пресса — по два солдата. Несмотря на все усилия, работа заняла два часа.

Жандармы следили за рабочими, Бевиль — за Сен-Жоржем. Когда всё было готово, случился подозрительный инцидент, напоминавший «предательство внутри предательства». Предатель

над предателями. Такой вид преступлений подвержен подобным случайностям.

Бевиль и Сен-Жорж — два доверенных лица, державших в руках секрет переворота, то есть саму голову Президента, — этот секрет, который ни в каком случае не должен был раскрыться раньше срока, иначе всё могло бы провалиться, — они вдруг решили доверить его сразу двумстам человек, чтобы «проверить эффект», как потом наивно выразился бывший полковник Бевиль. Они зачитали напечатанный документ мобильной жандармерии, выстроенной во дворе. Бывшие муниципальные гвардейцы зааплодировали. А если бы они освистали? Что бы тогда сделали эти экспериментаторы в перевороте? Возможно, Бонапарт проснулся бы от своего сна в Венсенне.

Кучера освободили, фиакр запрягли, и в четыре утра адъютант и управляющий типографией — с этого

момента уже два преступника — прибыли в префектуру полиции с пачками указов. Тогда и начался их позор. Префект Мопэ пожал им руки. Отряды расклейщиков, подкупленных заранее, разошлись во все стороны с указами и прокламациями.

В это время как раз захватывался дворец Национального собрания. В улице Университета есть дверь дворца, старый вход в Пале-Бурбон, которая вела к дому председателя Ассамблеи. Эту «председательскую» дверь обычно охранял часовой. Адъютант-майор, которого дважды вызывали ночью полковник Эспинасс, стоял рядом с часовым. Через пять минут из казарм Инвалидов вышел 42-й полк, за которым на расстоянии следовал 6-й. Они шли по улице Бургонь. «Полк маршировал, как будто входил в палату больного», — говорит очевидец.

Они подошли к председательской двери. Это было засада — закон застигли врасплох. Часовой

остановился, собираясь крикнуть «Кто идёт?», но адъютант-майор схватил его за руку и приказал, как уполномоченный офицер, пропустить 42-й полк. Одновременно он приказал изумлённому привратнику открыть дверь. Солдаты заполнили аллею. Персиньи вошёл и сказал: «Сделано». Национальное собрание было захвачено.

От звука шагов прибежал командант Меннье.

— Командант, — крикнул полковник Эспинасс, — я пришёл сменить ваш батальон.

Меннье побледнел, его глаза устремились в землю.

Потом он внезапно сорвал с плеч эполет, сломал меч о колено, бросил обломки на мостовую и, дрожа от ярости, торжественно воскликнул:

— Полковник, вы позорите номер своего полка.

— Всё в порядке, всё в порядке, — ответил Эспинасс.

(продолжение следует — если хочешь, я сразу переведу следующую часть).

Хочешь, чтобы я продолжил прямо сейчас?

ГЛАВА IV.

ДРУГИЕ НОЧНЫЕ ДЕЛА

В ту же ночь по всему Парижу происходили акты разбоя. Неизвестные люди, возглавлявшие вооружённые отряды и сами вооружённые топорами, кувалдами, клещами, ломami, дубинками, мечами, спрятанными под плащами, и пистолетами, рукоятки которых выделялись под складками одежды, безмолвно прибывали к дому, занимали улицу, оцепляли подъезды, вскрывали замки, связывали швейцаров, поднимались по лестницам и врывались в квартиры спящих людей. Когда те, просыпаясь в испуге, спрашивали: «Кто вы такие?», их предводитель отвечал: «Комиссар полиции».

Так схватили Ламорисьера — его взял Бланше, угрожая кляпом; Греппо — его грубо скрутил и

швырнул на пол Гронфье в сопровождении шестерых людей с фонарём и секирой; Кавеньяка — его арестовал Колен, гладкоречивый негодяй, выразивший «возмущение» его руганью; г-на Тьера — его арестовал Юбо (старший), заявивший впоследствии, что видел, как тот «дрожал и плакал», добавив тем самым ложь к преступлению; Валентена — его схватил в постели Дурлен, вытащив за ноги и плечи и вбросив в полицейский фургон с висячим замком; Миота — предназначенного к мучениям африканских казематов; Роже (ду Нора) — тот с отважной и остроумной иронией предложил налётчикам хереса.

Шаррас и Шангарнье были застигнуты врасплох. Они жили на улице Сент-Оноре, почти напротив друг друга: Шангарнье в доме №3, Шаррас в №14. С 9 сентября Шангарнье распустил пятнадцать вооружённых людей, охранявших его по ночам, а 1 декабря, как уже упоминалось, Шаррас разрядил свои пистолеты. Эти пустые пистолеты лежали на столе, когда за ним

пришли. Комиссар полиции бросился на них. «Идиот, — сказал ему Шаррас, — если бы они были заряжены, ты бы уже был мёртв».

Эти пистолеты, стоит отметить, были подарены Шаррасу после взятия Маскары генералом Рено, который в момент ареста Шарраса находился верхом на лошади на той самой улице, помогая осуществлять переворот. Если бы пистолеты остались заряжены, а арест производил бы генерал Рено, было бы занятно, если бы пистолеты Рено убили бы самого Рено. Шаррас, вне всякого сомнения, не стал бы колебаться.

Мы уже называли имена этих полицейских негодяев. Повторять их нет смысла. Шарраса арестовал Куртий, Шангарнье — Лера, Нодо — Дегранж. Люди, схваченные у себя дома, были народными представителями; они были неприкосновенны, так что к преступлению над личностью добавлялось государственное преступление — нарушение

Конституции.

Наглость этих преступлений поражала. Полицейские забавлялись. Некоторые из этих весельчаков шутили.

В тюрьме Маза младшие надзиратели насмехались над Тьером; Нодо строго их отчитывал. Господин Юбо (младший) разбудил генерала Бедо:

— Генерал, вы арестованы.

— Моя персона неприкосновенна.

— Только если вас не застали с поличным.

— Ну что ж, — ответил Бедо, — я застигнут в страшном преступлении — во сне.

Его схватили за ворот и затащили в кэб. Встретившись в тюрьме Маза, Нодо пожал руку Греппо, а Лагранж — Ламорисьеру. Это вызвало смех у полицейских.

Полковник по имени Тирион, с командорским крестом на груди, помогал сажать генералов и представителей в камеры.

— Посмотри мне в глаза, — сказал ему Шаррас.

Тирион отвернулся.

Итак, не считая последующих арестов, в ночь на 2 декабря были заключены в тюрьму шестнадцать депутатов и семьдесят восемь граждан. Два главных организатора преступления отчитались перед Луи Бонапартом. Морни написал: «Упакованы». Мопэ написал: «Квадрованы». Один — на салонном жаргоне, другой — на тюремном. Тонкие оттенки языка.

ГЛАВА V.

ТЬМА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Версиньи только что покинул меня. Пока я спешно одевался, в комнату вошёл человек, которому я полностью доверял. Это был бедный безработный краснодеревщик по имени Жирар, которому я дал приют в одной из комнат моего дома. Он был резчиком по дереву и не лишённым грамотности человеком. Он

только что вернулся с улицы и дрожал.

— Ну, — спросил я, — что говорит народ?

Жирар ответил:

— Народ ошеломлён. Удар был нанесён так, что его даже не осознали. Рабочие читают афиши, молчат и идут работать. Только один из сотни что-то говорит. И говорит: «Хорошо!» Вот как им это видится: закон от 31 мая отменён — «Молодцы!» Всеобщее избирательное право восстановлено — «Тоже молодцы!»

Реакционное большинство разогнано —

«Великолепно!» Тьера арестовали — «Превосходно!»

Шангарнье схвачен — «Браво!» Вокруг каждой афиши стоят хлопатьщики. Ратапуаль объясняет Жаку

Бономму переворот, и Жак Бономм всё принимает.

Короче, у меня такое впечатление, что народ даёт своё согласие.

— Пусть будет так, — ответил я.

— Но, — спросил Жирар, — что вы будете делать, месье Виктор Гюго?

Я достал из шкафа свою депутатскую ленту и показал ему. Он всё понял. Мы пожали друг другу руки. Когда он вышел, вошёл Карини. Полковник Карини — человек отважный. Он командовал кавалерией под началом Мерославского во время сицилийского восстания. Он рассказал об этом благородном восстании в нескольких взволнованных и вдохновенных страницах. Карини — один из тех итальянцев, которые любят Францию так, как мы, французы, любим Италию. У каждого человека с горячим сердцем в этом веке две родины: Рим вчерашнего дня и Париж сегодняшнего.

— Слава Богу, — сказал мне Карини, — вы ещё на свободе.

Он добавил:

— Удар был нанесён страшной рукой. Собрание

блокировано. Я только что оттуда. Площадь Революции, набережные, Тюильри, бульвары — всё запружено войсками. У солдат полевые рюкзаки. Батареи в упряжке. Если начнётся бой, это будет бой не на жизнь.

Я ответил:

— Бой будет.

И добавил со смехом:

— Ты доказал, что полковники умеют писать, как поэты; теперь поэтам придётся сражаться, как полковники.

Я вошёл в комнату к жене; она ничего не знала и спокойно читала газету в постели. У меня с собой было около пятисот франков в золоте. Я положил на её кровать коробку с девятьюстами франками — это были все мои оставшиеся деньги — и рассказал ей, что случилось. Она побледнела и спросила:

— Что ты собираешься делать?

— Свой долг.

Она обняла меня и сказала всего два слова:

— Делай.

Завтрак был готов. Я съел котлету за два укуса. Как только закончил, вошла моя дочь. Её удивил мой поцелуй, и она спросила:

— Что случилось?

— Мама тебе объяснит.

И я ушёл. Улица Тур-д'Овернь была такой же тихой и пустой, как обычно. Однако у моей двери разговаривали четверо рабочих. Они поприветствовали меня:

— Доброе утро.

Я крикнул им:

— Вы знаете, что происходит?

— Да.

— Это — измена! Луи Бонапарт душил Республику.
Народ подвергся нападению. Народ должен
защищаться.

— Он будет защищаться.

— Вы мне это обещаете?

— Да, — ответили они.

Один из них добавил:

— Клянёмся.

Они сдержали слово. Баррикады были построены на
моей улице (Рю де ла Тур д'Овернь), на Рю де Мартир,
на Сите Родье, на Рю Кокенар и у Нотр-Дам-де-Лоретт.

Готов перевести следующую часть — присылай.

ГЛАВА VI.

"ПРОКЛАМАЦИИ"

Покинув этих храбрых людей, я увидел на углу улиц
Тур-д'Овернь и Мартир три позорные прокламации,

расклеенные ночью по стенам Парижа. Вот они:

ПРОКЛАМАЦИЯ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ

Обращение к народу

ФРАНЦУЗЫ!

Существующее положение больше не может продолжаться. Каждый день приближает новые опасности для страны. Собрание, которое должно было быть опорой порядка, стало очагом заговора. Патриотизм трёхсот его членов оказался бессилён перед роковыми устремлениями большинства. Вместо того чтобы принимать законы в интересах общества, оно куёт оружие для гражданской войны; оно нападает на власть, которую я получил прямо от народа; оно поощряет дурные страсти, ставит под угрозу спокойствие Франции. Я распустил его и передаю весь народ в качестве судьи между Собранием и мной.

Конституция, как вам известно, была создана с

намерением заранее ослабить ту власть, которую вы собирались мне доверить. Шесть миллионов голосов были категорическим протестом против неё, и всё же я строго её соблюдал. Провокации, клевета, оскорбления — ничто не поколебало меня. Но теперь, когда основной договор нарушен самими теми, кто непрестанно на него ссылается, и когда те, кто разрушил две монархии, хотят связать мне руки, чтобы затем низвергнуть Республику, мой долг — расстроить их коварные замыслы, сохранить Республику и спасти Родину, обратившись к торжественному суду единственного суверена, которого я признаю во Франции, — Народа.

Я честно обращаюсь ко всей нации и говорю вам: если вы хотите сохранить это унижительное состояние неопределённости, которое нас позорит и ставит под угрозу наше будущее, — выберите себе другого. Я больше не желаю сохранять власть, которая бессильна творить добро, которая делает меня

ответственным за действия, которых я не могу предотвратить, и которая приковывает меня к рулю корабля, мчащегося к бездне.

Если же, напротив, вы всё ещё доверяете мне — дайте мне средства для выполнения великой миссии, возложенной вами.

Эта миссия — положить конец эпохе революций, удовлетворив законные нужды народа и защитив его от подрывных страстей. Прежде всего, она заключается в создании таких учреждений, которые переживут своих творцов и действительно станут основой для прочного порядка.

Убеждён, что нестабильность власти и преобладание одного Собрания — постоянные источники смут и раздора, я предлагаю вам на голосование следующие основы новой Конституции, которая будет развита позднее Собраниями:

Ответственный Глава государства, избираемый на десять лет.

Министры, подчинённые только исполнительной власти.

Государственный Совет из самых выдающихся людей, который будет подготавливать законы и защищать их перед Законодательным Собранием.

Законодательное Собрание, обсуждающее и принимающее законы, избираемое всеобщим голосованием без скрутин де лист (партийных списков), искажающих волю избирателей.

Второе Собрание из самых выдающихся людей страны, балансирующая сила, страж Основного договора и общественных свобод.

Эта система, созданная первым консулом в начале

века, уже принесла Франции покой и процветание; она принесёт их ей вновь.

Такова моя твёрдая уверенность. Если вы разделяете её — выразите это своими голосами. Если же вы предпочитаете правление без силы, монархическое или республиканское, заимствованное не пойми у какого прошлого или вымышленного будущего — скажите «нет».

Так впервые с 1804 года вы будете голосовать с полным пониманием ситуации, зная точно, за кого и за что голосуете.

Если я не получу большинства ваших голосов — я созову новое Собрание и передам ему поручение, полученное от вас.

Но если вы считаете, что дело, символом которого является моё имя — то есть Франция, обновлённая Революцией 1789 года и организованная Императором — всё ещё ваше, — провозгласите это, утвердив полномочия, которых я у вас прошу.

Тогда Франция и Европа будут спасены от анархии,
преграды исчезнут, соперничество прекратится, ибо
все признают в решении народа — волю Провидения.
Дано в Елисейском дворце, 2 декабря 1851 года.
ЛУИ НАПОЛЕОН БОНАПАРТ.

ПРОКЛАМАЦИЯ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ К АРМИИ

Солдаты!

Гордитесь своей миссией — вы спасёте Отечество,
ибо я рассчитываю на вас не для нарушения законов,
а для того, чтобы обеспечить уважение к первому
закону страны — национальному Суверенитету,
законным представителем которого я являюсь.

Долгое время вы, как и я, страдали от препятствий,
мешавших добру, которое я стремился творить, и
проявлению вашей симпатии ко мне. Эти преграды

пали.

Собрание пыталось покуситься на власть, которую я держу от всей нации. Оно более не существует.

Я честно обращаюсь к Народу и к Армии, и говорю им: либо дайте мне средства обеспечить ваше процветание, либо выберите другого.

В 1830 году, как и в 1848-м, с вами обращались как с побеждёнными. После того как ваше героическое бескорыстие было заклеено, ваши симпатии и желания были проигнорированы, а ведь вы — цвет нации. Сегодня, в этот торжественный час, я решил, что голос Армии должен быть услышан.

Голосуйте свободно, как граждане; но как солдаты не забывайте, что слепое подчинение приказам Главы Государства — ваша строгая обязанность, от генерала до рядового.

Я, будучи ответственным перед Народом и перед потомками, приму те меры, которые сочту необходимыми для общественного блага.

Вы же оставайтесь непоколебимыми в дисциплине и чести. Своим внушительным видом помогите стране выразить волю спокойно и обдуманно.

Будьте готовы подавить всякое покушение на свободное осуществление суверенитета народа.

Солдаты, я не говорю вам о воспоминаниях, которые пробуждает моё имя. Они запечатлены в ваших сердцах. Между нами существует нерушимая связь. В прошлом — общая слава и несчастья.

В будущем — общее чувство и общее решение ради мира и величия Франции.

Дано в Елисейском дворце, 2 декабря 1851 года.

(Подпись) Л.Н. БОНАПАРТ.

ОТ ИМЕНИ ФРАНЦУЗСКОГО НАРОДА
ПРЕЗИДЕНТ РЕСПУБЛИКИ ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Статья I. Национальное Собрание распускается.

Статья II. Всеобщее избирательное право
восстанавливается. Закон от 31 мая отменяется.

Статья III. Французский народ созывается в
избирательные округа с 14 по 21 декабря.

Статья IV. В округе Первой Военной дивизии вводится
осадное положение.

Статья V. Государственный Совет распускается.

Статья VI. Министр внутренних дел отвечает за
исполнение этого декрета.

Дано в Елисейском дворце, 2 декабря 1851 года.

ЛУИ НАПОЛЕОН БОНАПАРТ.

ДЕ МОРНИ, Министр внутренних дел.

ГЛАВА VII. №70, РЮ БЛАНШ

Найти Сите Гайяр не так просто. Это заброшенный переулок в новом квартале, который отделяет улицу де Мартир от улицы Бланш. Тем не менее, я нашёл его. Подходя к дому №4, я увидел, как из ворот вышел Иван и сказал:

— Я здесь, чтобы предупредить вас. Полиция следит за этим домом. Мишель ждёт вас в доме №70 на Рю Бланш, всего в нескольких шагах отсюда.

Я знал этот адрес — №70, Рю Бланш. Там жил Манин, известный президент Венецианской республики. Но собрание должно было состояться не в его апартаментах. Швейцар №70 направил меня на первый этаж. Дверь открыла красивая седовласая женщина лет сорока, баронесса Коппенс, которую я знал по светским мероприятиям и встречам у себя дома. Она провела меня в гостиную.

Там были Мишель де Бурж и Александр Рей — последний бывший член Учредительного собрания, блестящий публицист и храбрый человек. В то время Александр Рей редактировал газету Националь. Мы пожали друг другу руки. Мишель сказал мне:

— Гюго, что ты будешь делать?

Я ответил:

— Всё.

— Это и моё мнение, — сказал он.

Начали собираться другие депутаты. Среди них были Пьер Лефран, Лабрусс, Теодор Бак, Ноэль Парфе, Арно (из Арьежа), Демосфен Оливье (тоже бывший член Учредительного собрания) и Шарамо. Все были охвачены глубокой и невыразимой яростью, но не было ни одного пустого слова. В каждом

чувствовалась мужественная решимость, из которой рождаются великие поступки.

Они обсуждали ситуацию, делились новостями. Теодор Бак пришёл от Леона Фоше, который жил на Рю Бланш. Именно он разбудил Леона Фоше и сообщил ему новости. Первые слова Леона Фоше были: «Это гнусный поступок».

С самого начала Шарамо проявил мужество, которое не покидало его ни на минуту в течение всех четырёх дней борьбы. Шарамо — очень высокий человек, с мужественными чертами лица и убедительной речью; он голосовал с Левыми, но сидел среди Правых. В Ассамблее он был соседом Монталамбера и Риансея. У него часто возникали с ними жаркие споры, за которыми мы наблюдали с любопытством и даже с удовольствием.

Шарамо пришёл на собрание в №70 в синем военном

плаще и, как позже выяснилось, был вооружён.

Ситуация была серьёзной: шестнадцать депутатов арестованы, все генералы Ассамблеи и человек, который был больше, чем генерал — Шарра. Все газеты закрыты, все типографии заняты солдатами. На стороне Бонапарта — армия из 80 000 человек, которую можно было легко удвоить; на нашей стороне — ничего. Народ был обманут, к тому же разоружён. Телеграф находился в их распоряжении. Все стены заклеены их афишами, а у нас не было даже одного печатного станка, ни одного листа бумаги. Ни возможности заявить протест, ни возможности начать борьбу. Переворот был в броне, Республика — обнажённой. У переворота был мегафон, у Республики — кляп.

Что делать?

Нападение на Республику, на Ассамблею, на Право, на

Закон, на Прогресс, на Цивилизацию — велось африканскими генералами. Эти герои только что доказали, что они трусы. Они всё предусмотрели. Лишь страх может породить такую предусмотрительность. Они арестовали всех боевых людей Ассамблеи и всех активистов Левых: Бон, Шарля Лагранжа, Миота, Валантена, Надо, Шоля. К тому же все возможные вожаки баррикад уже были в тюрьме. Организаторы засады предусмотрительно оставили на свободе Жюля Фавра, Мишеля де Буржа и меня самого, считая нас больше трибунами, чем бойцами. Они надеялись: если мы не будем сражаться — опозорим себя, если будем — нас расстреляют.

Тем не менее никто не колебался. Началось обсуждение. Каждую минуту приходили всё новые депутаты: Эдгар Кине, Дутр, Пеллетье, Кассаль, Брукнер, Боден, Шофур. Комната была полна — кто-то сидел, большинство стояли, в беспорядке, но без шума.

Первым заговорил я. Я сказал, что бороться нужно начинать немедленно. Удар за удар. По моему мнению, сто пятьдесят депутатов Левых должны надеть свои депутатские ленты и шествовать по улицам и бульварам до Мадлен, выкрикивая: «Да здравствует Республика! Да здравствует Конституция!» — и предстать перед солдатами: спокойно, без оружия, требуя, чтобы Сила подчинилась Праву. Если солдаты подчинятся — идти в Ассамблею и покончить с Луи Бонапартом. Если откроют огонь — рассредоточиться по Парижу, звать к оружию, строить баррикады. Соппротивление должно начаться в рамках Конституции, а если это не поможет — продолжиться как революция.

Терять времени было нельзя. Я сказал:

— Государственную измену надо хватать с поличным. Ошибка — позволять часам принимать участие в

преступлении. Каждая минута — соучастник и одобрение. Берегитесь беды по имени «свершившийся факт». К оружию!

Многие горячо поддержали мои слова, в том числе Эдгар Кине, Пеллетье и Дутр. Но Мишель де Бурж серьёзно возразил. Моим инстинктом было начать немедленно, его совет — подождать и посмотреть. По его мнению, спешка могла быть опасна. Переворот был организован, народ — нет. Их застали врасплох. Мы не должны обманываться: массы пока не готовы. В предместьях царит полный покой. Есть удивление, но нет гнева. Народ Парижа, хотя и умен, ещё не понял, что происходит.

Мишель добавил:

— Сейчас не 1830 год. Когда Карл X разогнал 221 депутата, он этим сам дал повод для перевыборов и восстания. Тогда народ поддержал депутатов. Сегодня

— нет. Сейчас распущенное собрание не имеет той популярности. Народ пока ждёт. Он обманут — пока не станет жертвой.

Мишель де Бурж заключил:

— Народу нужно время, чтобы осознать, рассердиться, восстать. А мы, депутаты, не должны ускорять события. Если мы немедленно пойдём на солдат, нас просто застрелят — и восстание лишится своих вождей. Лучше выждать. Чрезмерный пыл может погубить всё. Нам нужно сохранять свободу, быть готовыми, быть спокойными и действовать, когда поднимется народ. Четыре дня тревоги без боя утомят армию.

Он предлагал начать с простого — расклеить по городу 68-ю статью Конституции. Но где найти типографа?

Мишель говорил с революционным опытом, которого у

меня не было. Он много лет изучал поведение масс и знал, как действовать. Его совет был разумным. К тому же все поступавшие сведения его подтверждали: Париж был подавлен. Армия переворота входила в него спокойно. Даже афиши не срывали.

Почти все депутаты, даже самые смелые, соглашались с Мишелем: надо выждать. Они говорили: «К вечеру начнётся волнение» — и повторяли, как и он: «Народу нужно время, чтобы понять». Если начать слишком рано — окажемся одни. Пусть возмущение зреет в их сердцах. Иначе мы потерпим неудачу.

Таково было общее мнение. Я слушал их — и колебался. Может быть, они правы. Ошибка — подавать сигнал к бою зря. Что толку в молнии, за которой не следует гром? Что делать: где найти типографа? Свободна ли ещё хоть одна типография?

В этот момент вошёл старый, храбрый бывший

командир 6-го легиона, полковник Форестье. Он отвёл Мишеля де Буржа и меня в сторону и сказал:

— Послушайте. Я пришёл к вам. Меня уволили. ГЛАВА VII. №70, РЮ БЛАНШ

Сите Гайяр найти довольно трудно. Это заброшенный переулок в новом квартале, который отделяет Рю де Мартыр от Рю Бланш. Тем не менее, я его нашёл. Когда я подошёл к дому №4, из ворот вышел Иван и сказал:

— Я здесь, чтобы вас предупредить. Полиция следит за этим домом. Мишель ждёт вас в №70, на Рю Бланш, в двух шагах отсюда.

Я знал дом №70 на Рю Бланш. Там жил Мани́н, знаменитый президент Венецианской республики. Однако собрание должно было проходить не в его квартире. Привратник №70 направил меня на первый этаж. Дверь открыла красивая седовласая женщина

лет сорока — баронесса Коппенс, которую я знал по светским кругам и которая бывала у меня дома. Она провела меня в гостиную. Там уже были Мишель де Бурж и Александр Рей — бывший депутат Учредительного собрания, талантливый писатель, храбрый человек. В то время Александр Рей редактировал газету National. Мы пожали друг другу руки.

Мишель сказал:

— Гюго, что вы собираетесь делать?

— Всё, — ответил я.

— Это и моё мнение, — сказал он.

Прибыли и другие депутаты: Пьер Лефран, Лабрусс, Теодор Бак, Ноэль Парфе, Арно (из Арьежа), Демосфен Оливье (бывший депутат) и Шарамо. Все были охвачены глубокой и безмолвной яростью, но не произносилось ни одного напрасного слова. Это была мужественная злость, из которой рождаются великие решения.

Обсуждали ситуацию. Каждый сообщал, что ему удалось узнать. Теодор Бак пришёл от Леона Фоше, который жил на Рю Бланш. Он разбудил Фоше и сообщил ему новости. Первые слова Фоше были: — Это гнусное дело.

С самого начала Шарамо проявил мужество, которое не покидало его все четыре дня борьбы. Шарамо — человек высокого роста, с выразительными чертами и убедительной речью; он голосовал с Левыми, но сидел на правой стороне собрания, рядом с Монталамбером и Рьянсе. Иногда между ними возникали бурные споры, за которыми мы наблюдали с любопытством.

На собрание в №70 Шарамо пришёл в синем военном плаще, как позже выяснилось — вооружённым.

Ситуация была серьёзной: шестнадцать депутатов арестованы, все генералы Собрания — а также тот, кто

был выше генералов, — Шарра. Все газеты запрещены, все типографии заняты солдатами. У Бонапарта в распоряжении армия в 80 000 человек, которую можно удвоить за считанные часы. У нас — ничего. Народ обманут, да и разоружён. Телеграф у них. Все стены оклеены их воззваниями, у нас же нет ни одной типографской кассы, ни одного листа бумаги. Ни способа заявить протест, ни возможности начать борьбу. переворот в броне, Республика — безоружна; переворот кричит через рупор, Республике — в рот вставлен кляп.

Что делать?

На сторону переворота встали африканские генералы. Эти герои оказались трусами. Они всё предусмотрели. Они арестовали всех боевых людей из Собраниа и всей Левоу: Бон, Шарль Лагранж, Миот, Валентен, Надо, Шоля. Все возможные предводители баррикад — в тюрьме. Из организаторов засады на свободе

остались только Жюль Фавр, Мишель де Бурж и я — нас считали скорее ораторами, чем людьми действия. Им хотелось оставить Левым фигуры сопротивления, но не победы, чтобы опозорить нас, если мы не будем бороться, и расстрелять, если будем.

Тем не менее, никто не колебался.

Началось обсуждение. Каждую минуту прибывали новые депутаты: Эдгар Кине, Дутр, Пеллетье, Кассаль, Брюкнер, Боден, Шофур. Комната была переполнена. Кто-то сидел, большинство стояло, в беспорядке, но без шума. Первым выступил я.

Я сказал, что борьбу нужно начинать немедленно. Удар за удар. По моему мнению, все сто пятьдесят депутатов Левой должны надеть депутатские ленты, пройти шествием по улицам и бульварам до Мадлен, выкрикивая: «Да здравствует Республика! Да здравствует Конституция!», — и предстать перед

войсками: в одиночку, спокойно и без оружия, потребовать, чтобы Сила подчинилась Праву. Если солдаты отступят — идти в Собрание и покончить с Луи Бонапартом. Если откроют огонь по своим законодателям — рассеяться по Парижу, кричать «К оружию!» и возводить баррикады.

Соппротивление должно начинаться законно, а если это не удастся — продолжаться революционно.

«Государственную измену, — сказал я, — нужно хватать за руку. Ошибка — позволять такому преступлению становиться “свершившимся фактом”. Каждая минута — сообщник, одобряющий преступление. Берегитесь этой беды — “свершившийся факт”. К оружию!»

Многие горячо поддержали моё предложение: Эдгар Кине, Пеллетье, Дутр.

Мишель де Бурж резко возразил. Мой инстинкт —

действовать немедленно, его совет — подождать. Он говорил: переворот готов, народ — нет. Их застали врасплох. Не стоит питать иллюзий: массы пока не готовы к восстанию. В пригородах — полное спокойствие. Есть удивление, но нет ярости. Парижане, хотя и умны, пока не поняли.

«Сейчас не 1830-й, — сказал он. — Тогда Карл X изгнал 221 депутата, и потому получил удар в ответ — их переизбрали. Тогда Собрание было популярно. Нынешнее — нет. Разогнанная Палата побеждает, если её поддерживает народ. В 1830 народ поднялся. Сегодня — он ждёт. Сейчас он — обманут, пока ещё не жертва».

Он продолжил: «Народу нужно время, чтобы осознать, разозлиться и восстать. А нам, депутатам, было бы безрассудно подгонять события. Если мы сразу же выступим против войск, нас просто перестреляют. Сопротивление останется без вождей. Лучше

подождать. Нужно сохранять свободу действий, сохранять спокойствие и быть готовыми — в ожидании народа. Четыре дня тревоги без боя утомят армию».

Однако Мишель всё же предложил начать — хотя бы с расклейки 68-й статьи Конституции. Но где найти типографию?

Он говорил с революционным опытом, которого у меня не было. Он много лет изучал поведение масс. Его совет был разумным. Кроме того, все известия, что поступали к нам, подтверждали его слова. Париж был подавлен. Армия переворота входила в него спокойно. Даже афиши никто не срывал.

Почти все присутствующие депутаты, даже самые смелые, согласились с мнением Мишеля — подождать.

«Сегодня вечером начнётся волнение», — говорили они. Им казалось, что начинать слишком рано —

значит рисковать. Народ не пойдёт за нами в первый же момент. Лучше дать негодованию постепенно нарастать. Если мы начнём слишком рано, всё может сорваться.

Я колебался. Может быть, они правы. Подавать сигнал к бою напрасно — ошибка. Как молния без грома. Но как найти типографию? Была ли ещё свободная пресса?

Пришёл старый, храбрый полковник Форестье — бывший командир 6-го легиона. Он отвёл нас с Мишелем в сторону:

— Я больше не командую легионом, меня уволили. Но назначьте меня от имени Левых — я снова стану его командиром. Подпишите приказ — и я соберу легион. Через час он будет готов.

— Полковник, — ответил я, — я сделаю больше — я поеду с вами.

Я обратился к Шарамо, у которого был экипаж:

— Поехали с нами.

Форестье был уверен в поддержке двух майоров 6-го легиона. Мы решили отправиться к ним сразу, а Мишель с другими депутатами должны были ждать нас в кафе Бонвале на бульваре дю Тампль, у кафе Тюрк.

Париж уже начинал гудеть. На бульварах толпился обеспокоенный народ. Люди непривычно заговорчиво обращались друг к другу. Закрывались лавки.

— Ну вот, — сказал Шарамо, — уже лучше.

Он с утра бродил по городу и с грустью наблюдал апатию.

Мы нашли двух майоров, на которых рассчитывал Форестье. Это были богатые торговцы бельём, встречали нас с замешательством. Продавцы выглядывали из лавки. Один из майоров отменил

поездку и пообещал помощь:

— Но не обманывайтесь — нас, вероятно, перебьют.

Мало кто выйдет.

Форестье пошёл к нынешнему полковнику Ватрину — может, тот передаст ему командование без сопротивления. Он должен был присоединиться к нам в кафе.

У ворот Сен-Мартен мы вышли из экипажа и пошли пешком. Бульвар был похож на глубокую траншею между двумя насыпями. По ней шли экипажи, по верхним тротуарам — пешеходы.

Тут колонна пехоты с барабанами вошла в эту траншею. Площадь Сен-Мартен и бульвар Бон-Нувель заполнились штыками. Толпа рабочих в блузах, склонившись на перила, прокричала хором: «Да здравствует Республика!»

Солдаты продолжали маршировать в молчании, но, казалось, медленнее. Некоторые смотрели на толпу с нерешительностью. Что значил этот крик?

Аплодисменты? Бросок вызова?

Республика подняла голову. Переворот — опустил.

Шарамо сказал:

— Вас узнали.

И действительно, у Шато д'О перевалила ко мне толпа.

Молодёжь кричала:

— Да здравствует Виктор Гюго!

— Гражданин Виктор Гюго, что нам делать? — спросили.

— Срывайте мятежные афиши переворота, и кричите «Да здравствует Конституция!»

— А если они откроют огонь? — спросил рабочий.

— Тогда — к оружию.

— Браво!

Я добавил:

— Луи Бонапарт — мятежник, он сегодня погряз во всех преступлениях. Мы, депутаты народа, объявляем его вне закона. Но в этом и нет нужды — он уже вне закона по самому факту своего предательства.

Граждане, у вас есть две руки: в одной держите Право, в другой — ружьё. И — на Бонапарта!

— Браво! — кричали.

Один торговец сказал:

— Не кричите так громко — вас за это убьют.

— Ну что ж, — ответил я, — тогда вы пронесёте моё тело по улицам, и моя смерть принесёт пользу, если из неё родится справедливость Божья.

— Да здравствует Виктор Гюго! — кричали.

— Кричите: «Да здравствует Конституция!» — сказал я.

И понеслось: «Да здравствует Конституция! Да здравствует Республика!»

В лицах вспыхнули воодушевление, возмущение, гнев. Я подумал: это, быть может, решающий момент. Я хотел увести за собой толпу — и начать бой.

Но Шарамо удержал меня:

— Это будет бессмысленная бойня. Все безоружны.

Пехота — в двух шагах. Вон — артиллерия.

И правда — со стороны улицы Бонди выехали пушки.

Совет Шарамо, такого храброго человека, подействовал на меня. Я чувствовал себя связанным решением собрания на Рю Бланш. Я не мог взять на себя такую ответственность. Это могло быть либо победой, либо резнёй.

Была ли моя сдержанность правильной? Я не знаю.

Мы пошли на встречу в кафе Бонвале, но тут кто-то коснулся меня за плечо. Это был Леополь Дюра из National.

Он шепнул:

— Не идите дальше. Кафе Бонвале окружено. Мишель де Бурж пытался говорить с народом — солдаты подошли. Он едва успел скрыться. Многих депутатов арестовали. Возвращайтесь на Рю Бланш. Я вас искал.

Проезжало такси — Шарамо окликнул. Мы сели, толпа кричала:

«Да здравствует Республика! Да здравствует Виктор Гюго!»

Оказывается, в этот момент отряд сержантов прибыл,

чтобы арестовать меня. Кучер умчал нас галопом. Через четверть часа мы снова были на Рю Бланш.

ГЛАВА VIII. "НАРУШЕНИЕ ПАЛАТЫ"

В семь часов утра мост Конкорд все еще был свободен. Большие решетчатые ворота Дворца Ассамблеи были закрыты; через прутья было видно марш лестницы, по которой Республика была провозглашена 4 мая 1848 года, покрытая солдатами; и их сложенные оружия можно было различить на платформе позади высоких колонн, которые во времена Учредительного собрания, после 15 мая и 23 июня, скрывали маленькие горные минометы, заряженные и наведенные. Портье с красным воротником, одетый в ливрею Ассамблеи, стоял у маленькой двери решетчатых ворот. Время от времени приходили депутаты. Портье говорил: «Господа, вы депутаты?» и открывал дверь. Иногда он спрашивал их имена. В квартиры М. Дюпина можно было войти без

помех. В большой галерее, в столовой, в салоне президентства ливрейные слуги молча открывали двери, как обычно. До рассвета, сразу после ареста квесторов М. База и М. Лефло, М. де Панат, единственный квестор, оставшийся на свободе, который был пощажен или презрен как легитимист, разбудил М. Дюпина и попросил его немедленно созвать депутатов с их домов. М. Дюпин ответил этот беспрецедентный ответ: «Я не вижу никакой срочности». Почти одновременно с М. Панатом в ту же сторону поспешил депутат Жереми Бонапарт. Он призвал М. Дюпина стать во главе Ассамблеи. М. Дюпин ответил: «Я не могу, я под охраной». Жереми Бонапарт рассмеялся. На самом деле никто не удосужился поставить часового у двери М. Дюпина; все знали, что его охраняет его собственное презрение. Только позже, к полудню, они сжали его сердце. Они почувствовали, что презрение слишком велико, и назначили ему двух часовых. В половине восьмого в комнате М. Дюпина собрались пятнадцать

или двадцать депутатов, среди которых были М. Эжен Сю, Жорэ, де Рессегье и де Тальуэт. Они также напрасно пытались убедить М. Дюпина. В нише окна остался умный член большинства, М. Десмуссо де Живре, который был немного глуховат и чрезвычайно раздражен, едва не поссорился с депутатом правой стороны, как и сам, которого он ошибочно считал сторонником переворота. М. Дюпин, отделенный от группы депутатов, один в черном, с руками за спиной, с головой, опущенной на грудь, ходил взад и вперед перед камином, в котором горел большой огонь. В его комнате, и в его присутствии, громко обсуждали его самого, однако он, казалось, не слышал. Два депутата с левой стороны вошли, Бенуа (с Роны) и Крестен. Крестен вошел в комнату, подошел прямо к М. Дюпину и сказал ему: «Президент, вы знаете, что происходит? Почему Ассамблея еще не собралась?» М. Дюпин остановился и ответил с плечом, которое было ему привычно: «Ничего не поделаешь». И он продолжил свой путь. «Этого достаточно», сказал М. де Рессегье.

«Это слишком», сказал Эжен Сю. Все депутаты покинули комнату. Между тем мост Конкорд стал покрытым войсками. Среди них был генерал Васт-Виме, худой, старый и маленький; его худые белые волосы, прилипшие к вискам, в полном обмундировании, с шитым на голове фуражкой. Он был обременен двумя огромными эполетами и показывал свой шарф, не шарф депутата, а генерала, который был слишком длинным и волочился по земле. Он пересек мост пешком, крича солдатам неразборчивые крики энтузиазма за империю и переворот. Такие фигуры можно было увидеть в 1814 году. Только вместо того, чтобы носить большую трицветную кокарду, они носили большую белую кокарду. В общем, тот же феномен; старики кричат «Да здравствует прошлое!» Почти одновременно М. де Ларош-Жаклен пересек площадь Конкорд, окруженный сотней людей в халатах, которые следовали за ним молча и с любопытным видом. Множество кавалерийских полков выстроились на главной аллее

Елисейских полей. В восемь часов утра могучие войска окружили Законодательный дворец. Все подходы были охраняемы, все двери были закрыты. Однако несколько депутатов все же смогли проникнуть внутрь дворца, не через проход у дома президента со стороны Эспланады Инвалидов, как ошибочно утверждали, а через маленькую дверь на улице Бургонь, называемую Черной дверью. Эта дверь, по какой-то упущению или сговору, оставалась открытой до полудня 2 декабря. Улица Бургонь тем не менее была полна войсками. Отряды солдат разбежались по улице Л'Университе и позволяли редким прохожим, которые попались на пути, пройти через нее. Депутаты, которые вошли через дверь на улице Бургонь, проникли в зал заседаний, где они встретились с коллегами, выходящими из М. Дюпина. В этом зале собралось множество людей, представляющих все оттенки мнений в Ассамблее, среди которых были М. Эжен Сю, Ришарде, Файоль, Жорэ, Марк Дюфрайс, Бенуа (с Роны), Канет, Гамбон,

д'Адельсвард, Кре, Реппель, Тейяр-Латерисс, Рантион, генерал Лейде, Полен Дюрье, Шанай, Брилле, Коллас (с Жиронды), Моне, Гастон, Фавро и Альбер де Рессегье. Каждый новичок обращался к М. де Панату. «Где вице-президенты?» «В тюрьме». «А двое других квесторов?» «Тоже в тюрьме. И прошу вас поверить, господа, - добавил М. де Панат, - что я не имел никакого отношения к оскорблению, которое мне было нанесено, не арестовав меня». Возмущение достигло своего пика; каждое политическое направление смешивалось в одном чувстве презрения и гнева, и М. де Рессегье не был менее энергичен, чем Эжен Сю. Впервые Ассамблея, казалось, имела одно сердце и один голос. Каждый, наконец, сказал, что он думает о человеке из Елисейского дворца, и тогда стало ясно, что уже давно Луи Бонапарт ненавязчиво создал глубокое единодушие в Ассамблее — единодушие презрения. М. Коллас (из Жиронды) жестикулировал и рассказывал свою историю. Он пришел из Министерства внутренних дел. Он видел М. де Морно,

говорил с ним, и он, М. Коллас, был возмущен до глубины души преступлением М. Бонапарта. С тех пор это преступление сделало его Государственным советником. М. де Панат бегал туда-сюда среди групп, объявляя депутатам, что созвал Ассамблею на час дня. Но было невозможно ждать до этого часа. Время поджимало. В Пале-Бурбон, как и на улице Бланш, было общее чувство, что каждый час, который проходит, помогает осуществить переворот. Каждый ощущал как упрек вес своего молчания или бездействия; железный круг сужался, солдатский поток неумолимо поднимался и бесшумно захватывал дворец; каждое мгновение находился часовой у двери, которая еще только что была свободна. Однако группа депутатов, собравшихся в зале заседаний, пока что была уважаема. Нужно было действовать, говорить, разрабатывать план, бороться и не терять ни минуты. Гамбон сказал: «Давайте попробуем снова обратиться к Дюпину, он наш официальный человек, он нам нужен». Они пошли искать его. Они не могли его

найти. Его больше не было, он исчез, скрывался, прятался, он был поглощен, исчез, он был погребен. Где? Никто не знал. Трусость имеет неизвестные дыры. Вдруг в зал вошёл человек. Человек, незнакомый Собранию, в форме, с эполетами старшего офицера и мечом при себе. Это был майор 42-го полка, который пришёл, чтобы вызвать депутатов покинуть их собственный Дом. Все, как роялисты, так и республиканцы, бросились на него. Таково было выражение возмущённого свидетеля. Генерал Лейдет обратился к нему таким языком, который оставляет след скорее на щеке, чем на ухе. "Я выполняю свой долг, я выполняю свои указания," запинался офицер. "Ты идиот, если думаешь, что выполняешь свой долг," воскликнул Лейдет, "и ты подлец, если знаешь, что совершаешь преступление. Твоё имя? Как тебя зовут? Назови своё имя." Офицер отказался назвать своё имя и ответил: "Так, господа, вы не уйдёте?" "Нет." "Я пойду за силой." "Иди." Он покинул зал и на самом деле пошёл за приказами в Министерство внутренних дел.

Депутаты ждали в том виде неопределённого волнения, которое можно было бы назвать удушением права насилием. Вскоре один из них, который вышел, вернулся поспешно и предупредил их, что две роты мобильной жандармерии идут с оружием в руках. Марк Дюфрасс воскликнул: "Пусть насилие будет завершённым. Пусть государственный переворот найдёт нас на наших местах. Пойдём в зал заседаний," добавил он. "Раз уж дело дошло до такого, давайте подарим подлинное и живое зрелище 18-го Брюмера." Все они направились в зал Собрания. Проход был свободен. Зал Казимир-Перье ещё не был занят солдатами. Их было около шестидесяти. Несколько из них были обвешаны своими нагрудными лентами. Они вошли в зал медитативно. Здесь М. де Рессегье, несомненно с хорошими намерениями, предложил, чтобы все они устроились на правой стороне. "Нет," сказал Марк Дюфрасс, "каждый на своё место." Они разбежались по залу, каждый на своё привычное место. М. Монне, сидящий на одной из нижних скамей

в Левом Центре, держал в руках экземпляр Конституции. Прошло несколько минут. Никто не говорил. Это было молчание ожидания, которое предшествует решительным поступкам и финальным кризисам, и во время которого каждый кажется, что с уважением слушает последние указания своей совести. Вдруг в дверях появился капитан мобильной жандармерии с обнажённым мечом. Зал Собрания был нарушен. Представители одновременно поднялись с мест, воскликнув "Да здравствует Республика!" Только М. Монне остался стоять, и громким и возмущённым голосом, который отозвался в пустом зале, как труба, приказал солдатам остановиться. Солдаты остановились, смотря на депутатов с растерянным видом. Солдаты ещё только заблокировали проход Левого лобби и не прошли дальше трибуны. Тогда депутат Монне прочитал статьи 36, 37 и 68 Конституции. Статьи 36 и 37 закрепляли неприкосновенность депутатов. Статья 68 смещала президента в случае измены. Этот момент был

торжественным. Солдаты молча слушали. После того как статьи были прочитаны, депутат д'Адельсвард, сидящий на первой нижней скамье Левой стороны и наиболее близкий к солдатам, обратился к ним:

"Солдаты, вы видите, что президент Республики предатель, и хочет сделать вас предателями. Вы нарушаете священные пределы разумного представительства. Во имя Конституции, во имя Закона, мы приказываем вам покинуть зал." Пока д'Адельсвард говорил, майор, командующий мобильной жандармерией, вошёл. "Господа," сказал он, "у меня есть приказ попросить вас уйти, и если вы не уйдёте добровольно, то выгнать вас." "Приказ выгнать нас!" воскликнул д'Адельсвард, и все депутаты добавили: "Чьих приказов? Покажите нам приказ. Кто подписал приказ?" Майор вытащил бумагу и развернул её. Едва он развернул её, как попытался вернуть её в карман, но генерал Лейдет бросился на него и схватил его за руку. Несколько депутатов наклонились вперёд и прочитали приказ о выселении Собрания,

подписанный "Фортуолем, министром Морского флота." Марк Дюфрасс повернулся к мобильной жандармерии и воскликнул: "Солдаты, ваше присутствие здесь — это акт предательства. Покиньте зал!" Солдаты казались нерешительными. Вдруг вторая колонна появилась в дверях справа, и по сигналу командира капитан крикнул: "Вперёд! Выгоняйте их всех!" Тогда началась неопиcуемая схватка между жандармами и законодательными органами. Солдаты с оружием в руках вторглись на скамьи Сената. Репеллен, Шанай, Рантион были насильно вырваны с мест. Два жандарма набросились на Марка Дюфрасса, два на Гамбона. Долгая борьба велась на первой скамье справа, том самом месте, где обычно сидели М. Одильон Барро и Аббатуччи. Поль Дюрье оказывал сопротивление насилию силой, для того чтобы его вытащили с скамьи, потребовалось трое. Монне был сброшен на скамьи комиссаров. Они схватили д'Адельсварда за горло и вытолкнули его из зала. Ришарде, слабый человек, был сброшен и

жестоко избит. Некоторые были проколоты штыками; почти все их одежды были порваны. Командир крикнул солдатам: "Вычищайте их." Так было изъято шестьдесят представителей народа, и выдворены с мест. Способ исполнения дела завершил предательство. Физическая картина была достойна моральной. Последними, кто вышел, были Файоль, Тийяр-Латерисс и Поль Дюрье. Их пропустили через большие двери Дворца, и они оказались на площади Бургонь. Площадь Бургонь была занята 42-м полком под командованием полковника Гарденса. Между Дворцом и статуей Республики, которая занимала центр площади, было направлено орудие против Собраниа, перед главными дверями. Рядом с пушкой несколько Шассеров де Вансен заряжали свои ружья и кусали патроны. Полковник Гарденс был на лошади рядом с группой солдат, что привлекло внимание депутатов Тийяр-Латерисса, Файоля и Поль Дюрье. В центре этой группы трое арестованных мужчин боролись, крича: "Да здравствует Конституция! Да

здравствует Республика!" Файоль, Поль Дюрье и Тийяр-Латерисс подошли и узнали среди трёх заключённых трёх членов большинства, депутатов Тюпе-де-Винь Радуба, Лафосса и Арбея. Депутат Арбей горячо протестовал. Подняв свой голос, полковник Гарденс прервал его следующими словами, которые достойны сохранения: "Заткнись! Одно слово — и я буду тебя избивать прикладом мушкета." Три депутата Левого фланга возмущённо призвали полковника освободить их коллег. "Полковник," сказал Файоль, "Вы нарушаете закон втрое." "Я нарушу его шесть раз," ответил полковник, и он арестовал Файоля, Дюрье и Тийяр-Латерисса. Солдатам было приказано доставить их в охранный дом Дворца, который строился для министра иностранных дел. По пути шесть заключённых, идущих между двойным рядом штыков, встретили троих своих коллег, депутатов Эжена Сю, Шаная и Бенуэ (с Роны). Эжен Сю встал перед офицером, командующим отрядом, и сказал ему: "Мы приказываем вам освободить наших коллег."

"Я не могу это сделать," ответил офицер. "В таком случае завершите ваши преступления," сказал Эжен Сю, "Мы приказываем вам арестовать нас тоже."

Офицер арестовал их. Их доставили в охранную часть Министерства иностранных дел, а затем, поздно вечером, в казармы на набережной д'Орсе. Только ночью две роты пехоты пришли, чтобы перевезти их в это окончательное место заключения. Располагая их между своими солдатами, командующий офицер наклонился до земли и вежливо заметил: "Господа, оружие моих людей заряжено." Очистка зала, как мы уже сказали, была проведена беспорядочно, солдаты вытолкали представителей через все выходы.

Некоторые, включая только что упомянутых, вышли через улицу Бургонь, другие были вытащены через зал "Без потерь" к решетчатой двери напротив Пон-де-ла-Конкорд. Зал "Без потерь" имеет переднюю, своего рода переходную комнату, из которой открывается лестница на Высокую трибуну, а также несколько дверей, в том числе большая стеклянная

дверь, ведущая в апартаменты президента Ассамблеи. Как только они достигли этой переходной комнаты, примыкающей к небольшой ротонде, где расположена боковая дверь выхода во дворец, солдаты освободили представителей. Вскоре образовалась группа, в которой представители Канет и Фавро начали говорить. Раздался общий крик: "Давайте искать Дюпена, давайте приведем его сюда, если нужно." Они открыли стеклянную дверь и бросились в галерею. На этот раз М. Дюпен был дома. Узнав, что жандармы очистили зал, М. Дюпен вышел из своего укрытия. Ассамблея была повергнута, а Дюпен стоял прямо. Закон, ставший пленником, этот человек почувствовал себя свободным. Группа представителей, возглавляемая господами Канетом и Фавро, нашла его в его кабинете. Здесь состоялся диалог. Представители призвали президента встать во главу их, чтобы вернуться в зал, он, человек Ассамблеи, вместе с ними, людьми нации. М. Дюпен решительно отказался, настоял на своем и остался тверд, отчаянно

цепляясь за свою ничтожность. "Что вы хотите от меня?" - сказал он, смешивая свои встревоженные протесты с множеством юридических максим и латинских цитат, инстинкт болтливых сорок, которые изрыгают весь свой словарный запас, когда пугаются. "Что вы хотите от меня? Кто я? Что я могу сделать? Я ничего. Никто больше ничего не значит. Ubi nihil, nihil. Там, где сила, люди теряют свои права. Novus nascitur ordo. Стройтесь соответственно. Я должен подчиниться. Dura lex, sed lex. Мы признаем закон необходимости, но не закон права. Но что делать? Прошу оставить меня в покое. Я ничего не могу сделать. Я делаю, что могу. Я не лишен доброй воли. Если бы у меня был сержант и четыре человека, я бы их убил." "Этот человек признает только силу," сказали представители. "Очень хорошо, давайте применим силу." Они применили насилие к нему, обвязали его шарфом, как веревкой вокруг шеи, и, как и говорили, потащили его к залу, умоляя о "свободе", стоня, пинаясь — я бы сказал, боролись, если бы это слово

не было столь возвышенным. Несколько минут спустя этот зал "Без потерь", который только что стал свидетелем того, как представителей вытаскивали из рук жандармов, увидел М. Дюпена в руках самих представителей. Они не прошли далеко. Солдаты забаррикадировали большие зеленые складные двери. К ним поспешил полковник Эспинас, подошел командующий жандармами. Из кармана командующего выглядывали пистолетные рукоятки. Полковник был бледным, командующий был бледным, а М. Дюпен был мертвенно бледным. Обе стороны боялись. М. Дюпен боялся полковника, полковник, безусловно, не боялся М. Дюпена, но за этой жалкой и смешной фигурой он видел страшный призрак — свое преступление, и он дрожал. В Гомере есть сцена, где Немеса появляется за Тевситом. М. Дюпен оставался несколько мгновений ошеломленным, растерянным и безмолвным. Представитель Гамбон воскликнул ему: "Ну что, говори, М. Дюпен, Левые не перебивают тебя." Тогда, с словами представителей за его спиной и штыками

солдат у груди, несчастный человек заговорил. Что его рот произнес в этот момент, что президент Суверенной Ассамблеи Франции заплетающимся языком пробормотал жандармам в этот крайне критический момент, никто не понял. Те, кто слышал последние вздохи этой умирающей трусости, поспешили очистить свои уши. Однако, похоже, он пролепетал что-то вроде этого: "Вы — сила, у вас есть штыки; я призываю право и ухожу от вас. Я имею честь пожелать вам хорошего дня." Он ушел. Они его отпустили. В момент ухода он обернулся и произнес еще несколько слов. Мы не будем их собирать. История не имеет корзины для старьевщиков.

ГЛАВА IX. КОНЕЦ ХУЖЕ СМЕРТИ

Мы бы с радостью забыли и больше никогда не упоминали этого человека, который три года носил столь почетное звание, президента Национальной Ассамблеи Франции, и который умел лишь быть лакеем у большинства. В последний час своей жизни

он умудрился опуститься еще ниже, чем можно было бы предположить для него. Его карьера в Ассамблее была карьерой лакея, его конец был концом подносчика посуды. Беспрецедентное поведение М. Дюпена перед жандармами, когда он с гримасой произнес свою пародию на протест, даже вызвало подозрения. Гамбон воскликнул: "Он сопротивляется, как сообщник. Он знал все." Мы считаем эти подозрения несправедливыми. М. Дюпен ничего не знал. Кто из организаторов государственного переворота мог бы потрудиться удостовериться в его участии? Подкупить М. Дюпена? Разве это возможно? И, кроме того, с какой целью? Заплатить ему? Зачем? Это были бы выброшенные деньги, когда достаточно было одного страха. Некоторые сговоры заключаются до того, как их начинают искать. Трусость — это старый поклонник преступления. Кровь закона быстро вытирается. За убийцей, который держит кинжал, идет дрожащий бедняк, который держит губку. Дюпен укрылся в своем кабинете. Они последовали за ним.

"Боже мой!" — воскликнул он, — "не могут ли они понять, что я хочу остаться в покое?" На самом деле, они мучили его с самого утра, чтобы выжать из него невозможную крупицу мужества. "Вы обращаетесь со мной хуже, чем жандармы," — сказал он.

Представители устроились в его кабинете, сели за его стол, а пока он стонал и ворчал в кресле, они составили официальный отчет о том, что только что произошло, так как они хотели оставить официальный след этого злодеяния в архивах. Когда официальный отчет был завершен, представитель Канет прочитал его президенту и предложил ему ручку. "Что вы хотите, чтобы я сделал с этим?" — спросил он. "Вы — президент," — ответил Канет. "Это наше последнее заседание. Ваш долг — подписать официальный отчет." Этот человек отказался.

ГЛАВА X. ЧЕРНАЯ ДВЕРЬ

М. Дюпен — это безмерное позор.

Позже он получил свою награду. Похоже, что он стал

каким-то прокурором в Апелляционном суде. М. Дюпен служил Луи Бонапарту, будучи самым ничтожным из людей. Продолжая эту мрачную историю.

Представители правой стороны, в своем первом смятении, вызванном государственным переворотом, поспешили в большом количестве к М. Дару, который был вице-президентом Ассамблеи и одновременно одним из президентов клуба Пирамиды. Эта ассоциация всегда поддерживала политику Элисейского дворца, но не верила, что готовится переворот. М. Дару жил по адресу: 75, улица Лиль. К десяти часам утра около сотни этих представителей собрались у него дома. Они решили попытаться проникнуть в зал, где заседала Ассамблея. Улица Лиль выходит на улицу Бургонь, почти напротив маленькой двери, через которую входили в Дворец, и которая называется Черной дверью. Они направились к этой двери, с М. Дару во главе. Они шли рука об руку, по три человека в ряд. Некоторые из них надели свои повязки должностных лиц, но позже сняли их. Черная

дверь, как обычно, была приоткрыта и охранялась только двумя стражниками. Некоторые из самых возмущенных, среди которых был М. де Кердрель, ринулись к двери и попытались пройти. Однако дверь была резко закрыта, и между представителями и прибывшими жандармами началась своего рода борьба, в ходе которой одному из представителей вывихнули запястье. В то же время батальон, выстроившийся на площади Бургонь, двинулся на полную скорость к группе представителей. М. Дару, величественный и решительный, подал знак командиру остановиться; батальон остановился, и М. Дару, от имени Конституции и в качестве вице-президента Ассамблеи, призвал солдат сложить оружие и предоставить свободный проход представителям суверенного народа. Командир батальона ответил приказом немедленно очистить улицу, заявив, что Ассамблеи больше не существует, что он, в свою очередь, не знает, что такое представители народа, и что если эти люди перед ним

не отступят по своей воле, он применит силу, чтобы их отогнать. "Мы уступим только насилию," — сказал М. Дару. "Вы совершаете государственную измену," — добавил М. де Кердрель. Офицер отдал приказ атаковать. Солдаты двинулись плотным строем. Наступил момент путаницы, почти столкновения. Представители, которых силой оттесняли, откатывались обратно на улицу Лиль. Некоторые из них упали. Несколько членов правой стороны были валены в грязь солдатами. Один из них, М. Этьен, получил удар по плечу от приклада мушкета. Следует добавить, что через неделю М. Этьен стал членом того самого учреждения, которое они называли Консультативным комитетом. Переворот пришелся ему по вкусу, включая удар прикладом мушкета. Они вернулись к дому М. Дару, и по пути разбросанная группа собралась снова и даже пополнилась новыми участниками.

"Дамы и господа," — сказал М. Дару, — "Президент нас предал, зал закрыт для нас. Я — вице-президент; мой

дом — это Дворец Ассамблеи." Он открыл большую комнату, и там представители правой стороны устроились. Сначала обсуждения были довольно шумными. Однако М. Дару заметил, что моменты драгоценны, и тишина была восстановлена. Первой мерой, которую следовало принять, было явно отстранение президента Республики на основании статьи 68 Конституции. Некоторые представители партии, называемой Бургравами, сели за стол и подготовили акт отстранения. Когда они собирались прочитать его вслух, в дверях комнаты появился представитель, который только что вернулся с улицы, и сообщил Ассамблее, что улица Лиль заполняется войсками и дом окружен. Потерять было нечего. М. Бенуа-д'Аз сказал: "Дамы и господа, давайте поедem в мэрию десятого округа; там мы сможем заседать под защитой десятого легиона, командир которого — наш коллега генерал Лористон." Дом М. Дару имел задний вход через маленькую дверь в конце сада. Большинство представителей вышли этим путем. М.

Дару собирался последовать за ними. Только он сам, М. Одилон Барро и еще два или три человека остались в комнате, когда дверь открылась. Вошел капитан и сказал М. Дару:

— "Сэр, вы арестованы."

— "Куда мне следовать?" — спросил М. Дару.

— "У меня есть приказ следить за вами в вашем доме."

Дом, действительно, был занят военными, и именно так М. Дару был предотвращен от участия в заседании в мэрии десятого округа. Офицер позволил М. Одилону Барро выйти.

ГЛАВА XI. ВЫСШИЙ СУД ПРАВОСУДИЯ

Пока все это происходило на левом берегу реки, около полудня заметили мужчину, ходящего взад и вперед по великому Залу Безопасных Шагов в Дворце правосудия. Этот мужчина, тщательно застегнутый на пальто, казался сопровождаемым несколькими возможными сторонниками — ведь для определённых

полицейских операций нанимают помощников, чей сомнительный вид заставляет прохожих нервничать, и они начинают задумываться, магистраты ли это или воры. Мужчина в застегнутом пальто бесцельно бродил от двери к двери, от холла к холлу, обменивался знаками с людьми, которые следовали за ним; затем он возвращался в великий зал, останавливая по пути адвокатов, юристов, судебных приставов и служителей, и шептал каждому, чтобы никто не услышал его вопросы. На этот вопрос одни отвечали "Да", другие "Нет". И мужчина снова начинал свою работу, крадущийся по Дворцу правосудия с видом кровавого следопыта, ищущего след. Это был комиссар арсенальной полиции. Что же он искал? Высокий суд правосудия. Что же делал Высокий суд правосудия? Он скрывался. Почему? Чтобы заседать? Да и нет. Комиссар арсенальной полиции получил от префекта Мопаса приказ искать везде место, где мог бы заседать Высокий суд правосудия, если вдруг он решит провести заседание. Перепутав Высокий суд с

Государственным советом, комиссар полиции сначала направился к набережной Орсе. Не найдя ничего, даже Государственного совета, он ушел ни с чем и, по крайней мере, направился к Дворцу правосудия, думая, что, раз ему нужно искать правосудие, возможно, он найдет его там. Не найдя, он ушел. Однако Высокий суд всё же собрался. Где и как? Мы увидим. В тот период, о котором мы сейчас пишем, до текущей реконструкции старых зданий Парижа, когда в Дворец правосудия входили через двор Кур де Арле, лестница, противоположная величю, вела в длинный коридор, называемый Галереей Мерсье. Ближе к середине этого коридора были две двери: одна справа вела в Апелляционный суд, другая слева — в Суд кассации. Раздвижные двери слева открывались в старую галерею под названием Сен-Луи, недавно отреставрированную и ныне служащую в качестве Зала Безопасных Шагов для адвокатов Суда кассации. Против входной двери стояла деревянная статуя Святого Людовика. Вход в нише справа от этой статуи

вел в извилистый холл, заканчивавшийся своего рода слепым проходом, который, по-видимому, был закрыт двумя двойными дверями. На двери справа было написано "Комната первого президента"; на двери слева — "Советская палата". Между этими двумя дверями, для удобства адвокатов, проходящих от зала в Гражданскую палату, которая раньше была Великой палатой парламента, был образован узкий и темный коридор, в котором, как заметил один из них, "можно было совершить любое преступление без наказания." Оставив в стороне Комнату первого президента и открыв дверь, на которой было написано "Советская палата", они проходили в большую комнату с огромным столом в форме полукруга, окружённую зелеными стульями. В конце этой комнаты, которая в 1793 году служила залом для совещаний жюри Революционного трибунала, была дверь, встроенная в панель, которая вела в небольшой холл, где находились две двери: справа — дверь комнаты, принадлежащей президенту Уголовной палаты, слева

— дверь комнаты отдыха. "Приговорен к смерти! — А теперь давайте поужинаем!" Эти две идеи, Смерть и Ужин, сталкивались друг с другом веками. Третья дверь закрывала край этого холла. Эта дверь была, так сказать, последней в Дворце правосудия, самой удаленной, самой незаметной, самой скрытой; она вела в то, что называлось Библиотекой Суда кассации, большую квадратную комнату, освещенную двумя окнами, выходящими на большой внутренний двор Консьержери, с несколькими кожаными креслами, большим столом, покрытым зеленым сукном, и полками с юридическими книгами, занимающими стены от пола до потолка. Эта комната, как видно, была самой уединенной и скрытой из всех в Дворце. Именно здесь — в этой комнате — собрались по очереди 2 декабря, около одиннадцати часов утра, многочисленные мужчины в черных костюмах, без мантий, без знаков отличия, напуганные, смущенные, качающие головами и шепчущиеся между собой. Эти дрожащие мужчины были Высоким судом правосудия.

Высокий суд правосудия, согласно положениям Конституции, состоял из семи судей: президента, четырех судей и двух помощников, избираемых Судом кассации из числа своих членов и обновляемых каждый год. В декабре 1851 года этими семью судьями были Хардуэн, Патай, Моро, Делапальм, Коши, Гранде и Кесно, двое последних — помощники. Эти мужчины, почти неизвестные, тем не менее, имели некоторую предысторию. М. Коши, несколько лет назад президент Парижского королевского суда, приятный человек и легко пугающийся, был братом математика, члена Института, которому мы обязаны расчетами волн звука, и бывшего архивариуса-писца Палаты пэров. М. Делапальм был Генеральным прокурором и активно участвовал в судебных процессах с прессой во время Реставрации; М. Патай был депутатом Центра при Монархии Июля; М. Моро (из Сены) был примечателен тем, что его называли "из Сены", чтобы отличить от М. Моро (из Мёрт) — последнего также называли "из Мёрт", чтобы отличить от М. Моро (из Сены). Первый

помощник, М. Гранде, был президентом палаты в Париже. Я читал о нем такой панегирик: "Он известен тем, что не имеет никакой индивидуальности или собственного мнения". Второй помощник, М. Кесно, либерал, депутат, государственный служащий, Генеральный прокурор, консерватор, ученый, послушный, достигнувший своих целей, используя каждую из этих характеристик как ступень, дошел до Уголовной палаты Суда кассации, где был известен как один из самых строгих членов. 1848 год потряс его представление о праве, он ушел в отставку после 24 февраля, но не ушел после 2 декабря. М. Хардуэн, председательствовавший в Высоком суде, был бывшим председателем Ассизов, религиозным человеком, строгим янсенистом, известным среди своих коллег как "считательный магистрат", живущий в Порт-Рояле, усердно читающий Николе, принадлежащий к расе старых парламентариев Марая, которые ездили в Дворец правосудия на муле; муле уже вышел из моды, и тот, кто посетил

президента Хардуэна, не нашел больше упрямства в его конюшне, чем в его совести. Утром 2 декабря, в девять часов, два человека поднялись по лестнице в дом М. Хардуэна, № 10, улица Конде, и встретились у его двери. Один из них был М. Патай, другой — один из самых выдающихся представителей адвокатуры Суда кассации, бывший конституант Мартен (из Страсбурга). М. Патай только что предложил свои услуги М. Хардуэну. Первая мысль Мартина (из Страсбурга), когда он прочитал объявления о перевороте, была о Высоком суде. М. Хардуэн пригласил М. Патай в соседнюю комнату от своего кабинета и принял Мартина (из Страсбурга) как человека, с которым он не хотел разговаривать при свидетелях. Будучи формально попросен Мартином (из Страсбурга) созвать Высокий суд, он попросил его оставить его в покое, заявив, что Высокий суд "сделает свой долг", но сначала ему нужно "совещаться с коллегами", завершив фразой: "Это будет сделано сегодня или завтра." "Сегодня или завтра!" воскликнул

Мартен (из Страсбурга). "Господин Президент, безопасность Республики, возможно, безопасность страны зависит от того, что сделает или не сделает Высокий суд. Ваша ответственность велика, не забывайте об этом. Высокий суд правосудия не будет выполнять свой долг сегодня или завтра; он сделает это немедленно, прямо сейчас, не теряя ни минуты, без колебаний". Мартен (из Страсбурга) был прав, справедливость всегда принадлежит Сегодня. Мартен (из Страсбурга) добавил: "Если вам нужен человек для активной работы, я к вашим услугам". М. Хардуэн отклонил предложение; заявил, что не потеряет ни минуты и попросил Мартина (из Страсбурга) оставить его "совещаться" с коллегой М. Патайем. На самом деле, он созвал Высокий суд на одиннадцать часов утра, и было решено, что заседание состоится в зале библиотеки. Судьи были пунктуальны. В пятнадцать минут двенадцатого все они были собраны. М. Патай прибыл последним. Они сели в конце большого зеленого стола.